

И люди, и звери подчиняются инстинктам. Проголодался — ищешь еду, мучит жажда — тянешься к воде; это простейший механизм выживания любого живого существа.

Порой человек пасует перед трудностями именно из-за них: подсознание шепчет, что пора остановиться или, наоборот, сделать то, чего делать не стоит. Сильные духом борются с природой, слабые — безропотно плывут по течению.

Оуян Цичжи прекрасно понимал, что относится ко второй категории. И дело вовсе не в слабохарактерности — просто здешнее «подсознание» оказалось непреодолимой силой. Наряженный в свое новое «платье», он тупо созерцал величественный, похожий на замок особняк. Пошел второй день его пребывания в этом мире, но разум до сих пор отказывался верить в происходящее.

Попаданчеством в наше время никого не удивишь — интернет так и кишит подобными историями. И пусть авторы в своих фантазиях давно отошли от банальных принцев и всемогущих гениев, но не до такой же степени! Каким надо быть неудачником, чтобы угодить в этот мир и стать... домашним эльфом? Да еще и Добби — забитым, жалким существом с фанатичным стремлением к самоистязанию, одним из двух главных фриков магической Британии (вторым, без сомнения, был Кикимер).

«Черт побери, всемогущие небеса, неужели я вам настолько насолил?»

Ладно, в прошлой жизни я не был писанным красавцем, но оставался вполне приличным, нормальным человеком. А теперь? Проклятые небеса, чтоб тебя разорвало! Превратить меня в это убожество... Карликовый рост, тонкие, как чайные веточки, конечности, узловатые сухие пальцы, нос картошкой и жуткое, серое от грязи чайное полотенце вместо одежды. Неужели моя прошлая жизнь бездельника казалась кому-то наверху слишком завидной? Решили поиздеваться?

Цичжи тоскливо пощупал костлявое плечо. Когда его привела в чувство Бета — местный домашний эльф, оказавшаяся его матерью, — его едва не стошнило от отчаяния. Нет, он, конечно, почитывал в сети романы про перерождения и даже зазубрил кое-какие полезные вещи: от стихов эпохи Тан до формул пороха, бумаги и варки стекла. Исключительно забавы ради, ведь каждый уважающий себя любитель фантастики мысленно примеряет на себя роль прогрессора. Грезить-то не запрещено.

Сама его смерть была нелепой шуткой: умереть от падения сосульки на голову — надо же было так глупо попасться. Но факт оставался фактом. Он погиб, переродился и теперь... эльф. Оуян Цичжи мертв, а вместо него в телесном обличье Добби влачит жалкое существование несчастный домашний эльф.

Но как же это бесило!

«Ладно, пусть не главный герой, бог с ними, с роялями в кустах, но почему нельзя было сделать меня обычным статистом? Третьим помощником младшего лесничего! Кем угодно,

только не этим сморщенным, безумным недоразумением!»

Хуже всего было осознание, пришедшее вчера: его закрепили как личного домашнего эльфа за Люциусом Малфоем. Какой несчастный домашний эльф докатился до такой жизни? Пусть все они носят грязные чайные полотенца, но его новоиспеченная мамаша Бета, хоть и пашет сутками, выглядит счастливой и довольной. А у него от одной мысли о будущем кровь стыла в жилах.

При воспоминании о платиновом карапузе, которого он лицезрел прошлым вечером, у Цичжи по коже побежали мурашки. Чтобы хоть как-то общаться с девушками на их языке, он частенько зависал на сетевых форумах, почитывая популярную литературу. Имя Люциуса Малфоя не раз попадалось ему на глаза.

В этих историях Малфой всегда представал гордым, безупречным аристократом, пусть даже порой излишне заботливым отцом или мужем. Но вчерашняя реальность разорвала все шаблоны. Цичжи увидел сопливого младенца, который ползал по ковру в подгузнике и умудрялся при этом высокомерно пускать пузыри!

«Мерлин праведный! Если это кара за грехи, то слишком жестокая».

Вчера, едва Оуян Цичжи открыл глаза, перед ним предстала сморщенная физиономия, назвавшая его Добби. Не успел он толком сообразить, что ответить, как писклявый детский голосок заставил его действовать вопреки воле. Он безвольно забился головой о ближайшую каменную стену.

Едва приступ самобичевания прекратился, этот невыносимо писклявый голосок надменно изрек:

— Дуби, меняй штаны.

В ту секунду Цичжи познал всю глубину вселенской скорби. В теле несчастного эльфа билась душа гордого взрослого мужчины, но физическая оболочка безропотно подчинялась приказам мелкого ублюдка.

Самым позорным моментом стало то, как он сам потянулся к этому пухлому белобрысому недоразумению. Оуян Цичжи готов был сквозь землю провалиться. Неужели этот вечно плачущий младенец — будущий лорд Малфой? Тот самый платиновый павлин, от которого фанатели тысячи читательниц? И он сейчас собственноручно вытирает ему задницу!

«Пусть кто-нибудь скажет, что это кошмар. Просто дурацкий, затянувшийся кошмар...»

Увы, реальность не спешила растворяться. Когда Добби брезгливо, но аккуратно стянул вонючий подгузник с барственной попки, он задрожал от благоговения — древний инстинкт

домашнего эльфа ликовал, пока сам попаданец исходил безмолвным криком ярости.

Избавившись от лишнего груза, мелкий Люциус гордо пополз дальше, а Добби остался стоять, благоговейно сжимая в ладонях грязную тряпку. Как бы разум ни умолял бросить эту гадость и бежать мыть руки с мылом, он отказывался повиноваться.

Из ступора его вывел только увесистый подзатыльник мамыши Беты. Лишь тогда контроль над конечностями вернулся, и Цичжи торопливо швырнул подгузник в утилизатор. Малфои явно не обеднеют от потери одной тряпки.

Ночь прошла под непрекращающийся бубнеж Беты. Из ее причитаний Цичжи выяснил причину своей дефективности: он родился недоношенным. А все потому, что старик Абраксас Малфой в свои пятнадцать лет притащил в поместье беременную девушку, а в шестнадцать уже вовсю нянчил наследника.

Добби, чей цикл развития должен был совпасть со сроком рождения Юного господина, из-за поспешности последнего тоже поторопился явиться на свет. Мамаша уверяла, что он с самого рождения рос придурковатым и неуклюжим, вечно злил Юного господина и страдал провалами в памяти.

«Значит, Добби вырос дебилом только потому, что старик Абраксас не умел держать штаны застегнутыми? Потрясающе!»

Но прошлая драма меркла перед настоящим. Из какого, черт возьми, угла выползло это шепелявое недоразумение, нарушив законный тихий час?

— Дуби, — мелкозубый аристократ ткнул крошечным пальцем в сторону роскошного фонтана в центре сада, — тащи сюда ту рыбу! Быстро!

Ах ты сопливая платиновая тварь! Да эта мраморная русалка весит раз в десять больше нас обоих, как я тебе ее притащу?! Мечтая раздеть паршивца догола и скормить садовым гномам, Цичжи лишь покорно склонил голову. Он снова действовал вопреки воле:

— Да, юный господин. Добби сейчас принесет.

Мысленно рыдая, попаданец смотрел на то, как его тщедушные ноги безвольно шагают к фонтану. Неужели в этом кошмаре пройдет вся его жизнь? Он определенно сойдет здесь с ума.